

54 сферы

Дмитрий Беляев

Возраст: 35 лет

Должность: научный сотрудник Месоамериканского центра РГГУ, директор Российско-гватемальского центра по изучению майя имени Ю.В. Кнорозова

Российский историк, майянист. Выпускник факультета истории, политологии и права РГГУ (1998, с отличием). В 1996–1997 годах прошел стажировку в Автономном университете Юкатана (Мерида, штата Юкатан, Мексика). В 2001 году защитил кандидатскую диссертацию «Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н. э.)». Действительный член Европейской ассоциации майянистов WAYEB.

С 2001 года работает в РГГУ, читает курсы по иероглифическим рукописям майя, истории месоамериканской археологии, спецкурс по языку майя. Автор и соавтор более 12 научных работ. Воспитывает семилетнюю дочь.

СИЛЬНАЯ МАГИЯ

Дмитрий Беляев — историк с филологическим уклоном. Уже более 15 лет он занимается дешифровкой письменности майя и достиг в этом определенных успехов. «КПУ» Беляев рассказал о том, чем его привлекли надписи древнего и жестокого народа.

Интервью: Светлана Герасева. Фото: Тимур Аникеев

«Бабушка, это не наша Тула»

— Дмитрий, вы помните, с чего началось Ваше увлечение древним миром?

— Я родился в Туле и провел там большую часть детства. Однажды мне подарили книгу, которая была посвящена древним цивилизациям Америки. Под одной из иллюстраций была подпись: «Каменные статуи на главной площади Тулы». В Мексике действительно существует такой город. Это древний Толлан, столица тольтеков, название которого трансформировалось в испанском языке. Моя бабушка, большая патриотка родного города, увидев эту фотографию, сказала: «У нас ничего такого нет!» Я ей объяснил: «Бабушка, это не наша Тула, это в Мексике». Тогда она потребовала, чтобы я сделал на семейном собрании доклад и объяснил, почему в Мексике есть своя Тула. Я такой доклад прочитал. Тогда и возник мой интерес к древней Америке.

— Как он трансформировался в увлеченность именно майя?

— Благодаря Юрию Валентиновичу Кнорозову. Я прочитал про человека, который решил одну из величайших загадок в мировой истории, дешифровал письменность майя, при этом находясь в России. На меня это произвело большое впечатление. Я понял, что можно заниматься неизученной цивилизацией, и это меня заворожило. Или, если использовать термин Кнорозова, — «фасцинировало». Судьба моя была определена.

— Есть мнение, что ученые пытаются ответить на вопросы, которыми они задавались в детстве. Например, Эйнштейн якобы решил стать физиком, так как хотел узнать, что случится с телом человека, если его разогнать до скорости света. А у Вас были такие детские вопросы?

— После того, как я узнал про дешифровку Кнорозова, у меня возникли вопросы: «А что же там сказано в этих надписях майя? Как они жили? Какая у них была культура?» Я хотел заниматься политической историей и поначалу не думал, что буду читать сами иероглифы — предполагал, что почти все тексты уже прочитаны Кнорозовым. И как

сейчас я помню свой шок, когда я пришел в историческую библиотеку и взял книгу «Надписи майя». Там не было переводов, только иероглифы! Я впал в депрессию — ведь теперь нужно изучать это все, разбираться в этих картиночках, головах животных и птиц. Этот вызов стимулировал меня на исследовательскую работу.

— Что вас так зацепило в расшифровке фонетического письма майя?

— Каждому человеку интересно разгадывать загадки, это дает пищу для ума. Письменность майя довольно сильно отличается от нашей и предоставляет мозгу большой простор для деятельности. С другой стороны, через эти иероглифы открывается древняя культура народа. Можно попытаться взглянуть глазами майя на свою жизнь, на общество, на природу. Это безумно интересно. Сегодня, спустя шестьдесят лет после первой дешифровки текста, мы все равно далеки от полного понимания культуры этого народа. Письменность майя существовала около двух тысяч лет, претерпевая сильные изменения. Каждый год обнаруживаются новые памятники с новыми знаками. Я думаю, что этот процесс никогда не закончится. Исследовательской деятельности хватит на многие поколения майянистов.

Один из майя

— Вас и американца Дэвида Стюарта иногда называют крупнейшими исследователями майя. Согласны?

— Нет, я думаю, что это все-таки преувеличение. Нас трудно сравнивать. Из американских исследователей Дэвид Стюарт сейчас, безусловно, крупнейший, самый важный специалист. Мы давно и хорошо знакомы. Стюарт — это опять-таки пример человека, который был увлечен выбранной дисциплиной с детства. Но у него, в отличие от многих, были отличные стартовые возможности для того, чтобы реализовать свои мечты. Отец Дэвида, Джордж Стюарт, был одним из исполнительных директоров National Geographic Society, он увлекался археологией и интересовался культурой майя. Вдвоем они часто путешествовали по

«Сеньор говорит на майя! Тогда он мне должен не один песо, а целых пять, ведь он один из наших!»

Мексике и Гватемале. Есть фотографии, где маленький Дэвид сидит среди руин, смотрит на древние стены, что-то зарисовывает.

— А Дмитрий Беляев — в большей степени историк или филолог?

— Я работаю в такой сфере исторического знания, где трудно разграничить филологию и историю. Мне кажется, что каждый филолог — немного историк и наоборот. Российские исследователи долгое время не имели возможности ездить в Мексику и получать источники непосредственно с места раскопок. Нам приходилось изучать копии надписей, по полной использовать свой филологический и лингвистический бэкграунд, вгрызаться в каждый символ. Такое детальное изучение — отличительная черта российской майянистики.

— Над чем вы работаете в данный момент?

— Недавно РГГУ выиграл госконтракт от Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Кадры», который дал нам возможность открыть исследовательский центр в

Мексике совместно с местным Веракрусским университетом. Теперь мы можем ездить в Америку и получать новый материал, сотрудничать с Министерством культуры Гватемалы — недавно мы договорились издать атлас этой страны с точки зрения иероглифических надписей майя. Материал, который нам удалось там собрать и сфотографировать, сегодня меня интересует больше всего.

— Вам удалось дешифровать что-нибудь из свежеобранного?

— Да! Я в восторге от того, что у нас получилось прочесть глагол, над которым мы бились лет десять. Он читается как «кахай», означает «поселиться» или «остановиться». Это слово использовалось при описании основания городов. Если в каком-либо месте приходил и селился царь, то у майя это означало начало нового города. И они писали «кахай». С точки зрения социальной эволюции открытие весьма скромное. Но оно радует душу человека, который кропотливо занимается своей узкой специальностью.

— А вы говорите на языке майя?

— Тексты майя написаны на древнем иероглифическом языке, который сейчас уже, естественно, не существует. Зато на территории Мексики очень распространен юкатекский майя. Я овладел этим языком, когда учился в Автономном

университете Юкатана. Сейчас без практики мне изъясняться трудно, но разговорные навыки довольно быстро восстанавливаются в ходе общения. Однажды я гулял по Мкриде, одному из моих любимых городов Мексики. Туда на выходные съезжаются люди из окрестных деревень. Они майяговорящие, немного знают испанский. Сначала женщины продают свои продукты на базаре, а потом гуляют по городу. Многие старушки, которые уже продали товар, сидят около рынка, болтают друг с другом в ожидании своих автобусов, иногда просят деньги у туристов. Проходил мимо такой группы женщин. Одна из них обратилась ко мне: «Не дадите ли мне один песо?» А другая, сидевшая рядом, ответила ей вместо меня на майя: «Ты что не видишь? Это же белый, он не понимает». «Мату наа тик» — «Он не понимает». Ну, а я вместо того чтобы промолчать, сказал старушке: «Хаакин мату наа тик». «Хорошо, я, действительно, не понимаю». Они замолчали, но, вопрошавшая меня первой, неожиданно вскочила и сказала: «Сеньор говорит на майя! Тогда он мне должен не один песо, а целых пять, ведь он один из наших!» Как видите, бедные мексиканские индейцы, занимающие нижние ступени на социальной лестнице, положительно реагируют на неожиданные ситуации, не пугаются. Мы даже немного пообщались с той бабушкой. Тогда я понял, что все-таки могу говорить с индейцами.

Сны о ягуарах

— По телевизору довольно часто говорят, что древние майя — это не индейцы, а потомки атлантов, а то и вовсе пришельцы из космоса. Как вы к этому относитесь?

— Это весело, потому что дает тебе понять, что ничто не ново под луной. В действительности про то, что майя связаны с Атлантидой придумано не сейчас и не 20 лет назад, и не 30, и не 50, впервые эти идеи

Нос у древних майя начинался прямо от середины лба, фактически у них не было переносицы. Они имели своеобразный «рыбный» профиль, на основании чего предполагалось, что они чуть ли не потомки инопланетян. Это, конечно, полнейшая ерунда.

возникли в конце XIX века, когда появилась сама идея Атлантиды. Не в науке естественно, а в околонучных кругах. Все эти аргументы одни и те же, они повторяются, повторяются, повторяются. Майя — потомки вовсе не фараонов и не инопланетян. Они мигранты с севера, потомки тех переселенцев, которые перешли через существовавший в древности Берингов перешеек и заселили Новый свет.

— Чем древние майя отличались от нас?

— Прежде всего специфическим внешним видом, и это тоже один из моментов, который постоянно добавляет мистики и экзотики. Средний рост у них был небольшой — метр пятьдесят восемь — метр шестьдесят четыре. Причем мы это знаем по погребениям горожан и знатных людей, которые питались лучше. Наверное, крестьяне, были даже пониже. Нос у древних майя начинался прямо от середины лба, фактически у них не было переносицы. Они имели своеобразный «рыбный» профиль, на основании чего предполагалось, что они чуть ли не потомки инопланетян. Это, конечно, полнейшая ерунда. Ну и, конечно же, поскольку их культура, сформировалась в других условиях, нежели наша, они по-другому смотрели на мир.

— В чем это выражалось?

— С одной стороны, в большей открытости. Индейские дети и сейчас на порядок более веселые, чем наши. С другой стороны, в вере в сверхъестественных существ. В мире древних майя есть умершие предки, которые не исчезли, а перешли в другой мир и оттуда влияют на жизнь людей. Помогают, в частности. Соответственно с ними надо советоваться. Есть всякого рода злые или нейтральные существа вроде лесных духов. А есть еще духи-спутники. Это вообще для Месоамерики* в целом очень важная черта, которую в XIX, в XX веках начали изучать. Родился термин, который встречается в религиоведении, — «нагуализм», обозначающий веру в то, что у человека есть дух-спутник. «Нагуаль» — слово из ацтекского языка, у майя это явление называется «уай». Это часть человеческой души, которая живет либо в лесу, либо в другом мире. Когда человек видит сны, на самом деле его дух-спутник или дух-двойник так живет. Это очень важное существо, если оно пострадает, то пострадает и сам человек соответственно. Но, с другой стороны, чем больше у тебя духов-спутников, тем ты сильнее духовно. Известно, что двух

могущественных колдунов, у каждого по тринадцать духов-спутников, индейцы избрали в качестве своих предводителей во время одного из восстаний в начале XVIII века.

— А их было можно посчитать?

— Да, конечно. Есть описания не совсем древние, а уже XVI века, как они обретались — естественно, во сне. Какое животное человеку во сне привидится, таков соответственно и его дух-спутник. И наверное колдуны могли их иметь побольше, а простые люди поменьше. Чем сильнее, хищнее и яростнее это животное, тем соответственно больше у тебя магической силы. Поэтому у какого-нибудь простого человека, у которого никаких способностей нет, у него петух может быть или кролик, а у знатных людей или могущественных колдунов могли быть ягуар, пума или орел.

— А вам самому не противно изучать общество, где были распространены человеческие жертвоприношения?

— Ну это тоже часть человеческой культуры, в конце концов. С нашей точки зрения, это дикость, но для древних отрубание головы — вполне логичная вещь. В свое время, когда у нас был курс исторической психологии, преподаватель нам предложил: «Вы подумайте над тем, что ваша историческая специализация — это есть реализация ваших внутренних психологических комплексов». И вся группа у нас закричала: «О! Так

Мы изучаем историю не для того, чтобы прогнозировать будущее, а потому что хотим лучше понять собственную культуру.

вот оказывается, чем занимается Дима Беляев, он маньяк, будет людей расчленять, отрубать им головы, вырывать сердца». Практиковать это я не собираюсь, просто изучаю. Красочные жертвоприношения с вырыванием сердца действительно имели место. Но, во-первых, не настолько массовые, как это показал Мэл Гибсон в своем фильме «Апокалипсис» (картина вообще построена на ошибках). Это как раз майя не свойственно. Масовые жертвоприношения — это ацтекское, имперская такая традиция.

— Что не отменяет того, что жертвоприношения майя были кровавыми.

— Кровь — это вместилище души и магической силы. Поэтому значительная часть обрядовой, культурной деятельности была связана с приношением крови своей и чужой. Кстати, пускание своей крови — скорее всего даже более важный элемент, чем жертвоприношение. Пролитую кровь поджигали, а дым воспринимался как элемент, связующий с духами и богами. Это не кормление сверхъестественных существ, а установление с ними связи.

— После таких подробностей грех не спросить, согласны ли вы с упомянутым Мэлом

Гибсоном в том, что майя заслужили гибель своей цивилизации?

— Гибсон — истово верующий ортодоксальный католик, поэтому у него никаких других мыслей по поводу цивилизации майя быть не может. Я на это смотрю как историк. Заслужило или не заслужило — те оценки, которые мы можем дать только с точки зрения современного, нынешнего опыта нашего. С точки зрения нашей, безусловно, принесение в жертву людей, вырывание сердца, отрубание головы — это, конечно же, плохо. Но они жили совсем в другом мире и совсем по-другому на это глядели. Как можно осудить, если картина мира такая?

Кстати, наша цивилизация с их точки зрения тоже выглядит странно: если человек не приносит кровь регулярно, не пускает ее сам себе, не отрубает головы противникам, значит, он вообще непонятно чем занимается. Как же он тогда мир-то поддерживает, как помогает богам? Как общается с предками?

Человек исторический

— А есть ли практический смысл в расшировке надписей древних майя?

— Письменность майя — это элемент человеческой истории в целом. Становиться историком нужно хотя бы потому, что это интересно. Безусловно, изучение истории обогатит вашу духовную культуру. Мы изучаем историю не для того, чтобы прогнозировать будущее, а потому что хотим лучше понять собственную культуру. Человек вообще себя мыслит исторически. С момента дешифровки первых иероглифов Кнорозовым, наследие человечества стало еще богаче. Юрий Валентинович очень любил цитировать героя Конан Дойла Шерлока Холмса: «То, что один человеческий мозг придумал, другой человеческий мозг может разгадать».

— Один из главных профессиональных бонусов историка — возможность путешествовать. Что историку-лингвисту дает работа в полевых условиях?

— Кнорозов говорил: «Ой, я все видел на фотографиях, что мне это смотреть. Можно дешифровать письменности, не обязательно туда выезжая». На самом деле, он лукавил — его самого монументальные постройки майя очень впечатляли. Работа «в поле» дает новое ощущение материала. Когда видишь мир, в котором жили майя, своими глазами, все совсем по-другому воспринимается.

— О каком ощущении речь? Может быть, вы видели свой нагуаль? Ягуара или, например, кролика?

— Нет, пока мне никто не являлся. Приведу пример, как полевой опыт влияет на понимание истории. Все спрашивают: «Ну почему же рукописи майя не сохранились, их испанцы сожгли, еще что-то?» Я говорю: «Да нет, все довольно просто. Во-первых, они могли сгнить в тропическом климате. А во-вторых, говорю, их могли банально съесть». Однажды, когда мы путешествовали по городам

● история > ИНТЕРВЬЮ

Дмитрий Беляев считает, что опыт полевых исследований и работа с реальными артефактами эпохи полезны для историка-лингвиста и дают новое ощущение материала

мая и заночевали в лагере археологов Паленке — это очень важный и красивый город, у меня промокла записная книжка, и я ее положил на окошко сушиться. Лег спать, а утром проснулся и увидел, что от нее остался только пластиковый корешок — всю бумагу утащили и сгрызли муравьи-листорезы. Они выстроились в длинную-предлинную цепочку, каждый подходил и по кусочку уносил. То же самое происходило с рукописями мая. Пришел один муравей, отрезал кусочек, потом следующий.

— Вас постоянно спрашивают про конец света по календарю мая. Все-таки он наступил или нет?

— Это сумасшествие, которое больше говорит о нашей культуре, о том, что нам свойственно бояться апокалипсиса, глобального коллапса, кризиса, метеорита, чего угодно. В майянской космологии ничего этого нет. Для мая вообще катастрофические концы циклов не характерны. В декабре 2012 года закончился тринадцатый пик — один из периодов, приблизительно соответствующий четырем годам. Всего периодов тринадцать, вместе они составляют цикл — пять тысяч сто двадцать шесть лет. Каждым циклом правит одно из божеств. Старый цикл закончился, начался новый. Этим объяснением я очень многих разочаровывал. Одна девушка с РЕН-ТВ даже возмутилась: «Все подтверждают, что будет конец света, а вы говорите обратное! Как же я зрителям это представлю?» Я ответил: «Ну как хотите».

— В каком цикле мы сейчас находимся?

— Так далеко они не прогнозировали. Они только указали, что закончится один цикл и начнется новый. Получается, что мир никогда не закончится. Эта перспектива мне очень нравится. У мая можно поучиться оптимизму.

* Месоамерика — историко-культурный регион в Северной Америке, простирающийся от центральной и северо-западной Мексики до Коста-Рики. Колыбель множества доколумбовых цивилизаций, начиная с ольмекской. По мнению российского историка Юрия Березкина, Месоамерика настолько превосходила все сопредельные регионы в культурном плане, что культура любого народа-пришельца немедленно растворялась в общем месоамериканском котле. На момент прихода испанцев переживала экспансию народов науа, известных нам как ацтеки.